DOI <https://doi.org/10.18551/rjoas.2016-12.02>

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ СОСТОЯНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

**POSSIBILITIES OF APPLICATION OF SOCIAL INDICATORS FOR ASSESS
THE POTENTIAL OF NEO-INDUSTRIAL DEVELOPMENT**

Земскова Е.С., доцент

Zemskova E.S., Associate Professor

**Национальный исследовательский мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, Саранск, Россия**

National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia

E-mail: zemskovalena@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются ключевые факторы парадигмы неоиндустриального развития, отвергающей доминантное положение сферы услуг по отношению к индустрии. Автор указывает на принципиальное изменение процесса труда и занятости в условиях неоиндустриализации. Переход к неоиндустриализму в большей степени характерен для высокоразвитых стран и регионов, поскольку неотъемлемое условие нового этапа развития – рост капитальных вложений и общего уровня капиталовооруженности. В статье предложено использовать для оценки потенциала неоиндустриального развития российских регионов общий уровень капиталовооруженности, рассчитанный с использованием данных о стоимости основных фондов и среднегодовой численности занятых. Проведенный регрессионный анализ подтвердил возможность использования такого показателя как среднедушевые денежные доходы для определения потенциала неоиндустриального развития.

ABSTRACT

In the article a key factors of neo-industrial development paradigm that rejects the dominant position of service sector are considered. The author points to a fundamental change in the labor and employment in conditions neo-industrialization. Transition to neo-industrialism typical for advanced nations and regions, as an essential condition for a new stage of development is increasing of capital investments and the overall level of capital per worker. The author suggests using the overall level of capital per worker to evaluate the potential of neo-industrial development of Russian regions. Regression analysis confirmed the possibility of using average income per capita to determine the potential of neo-industrial development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Неоиндустриальная парадигма, эффект убывающей отдачи, потенциал неоиндустриального развития, социальные индикаторы, среднедушевые денежные доходы, капиталовооруженность.

KEY WORDS

Neo-industrial paradigm, diminishing returns, potential of neo-industrial development, social indicators, money income, capital per worker.

Смыслом любых экономических концепций и теорий является поиск наилучших комбинаций ресурсов, способных привести к процветанию ту или иную хозяйственную единицу. Не является исключением и концепция неоиндустриального развития, активно обсуждаемая среде российских экономистов с начала 2000-х гг., наиболее известные труды в данной области принадлежат Р. С. Гринбергу, Н. Ф. Газизуллиной, С. Д. Бодрунову, С. С. Губанову, В. Т. Рязанову, А. В. Бузгалину и др.

Одной из признанных работ, посвященных авторскому видению основ неоиндустриального развития и перспектив его реализации, является программная монография С. С. Губанова «Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция» [1]. Согласно выдвинутой им и научно обоснованной концепции, современный этап социально-экономического развития характеризуется вступлением в неоиндустриальную эпоху – исторически более высокую, с доминированием высококвалифицированных работников и интеллектуального труда в составе рабочей силы, а наука в этих условиях действует как непосредственная производительная сила.

В тезисной форме суть предложенной С. С. Губановым неоиндустриальной концепции изложена в его статье «Новая индустриализация и сектор рециклинга». Под новой индустриализацией ученый понимает исторически закономерный процесс развития производительных сил, который разворачивается после завершения в основном первой фазы индустриализации – электрификации. Начинается вторая фаза индустриализации, то есть автоматизация и компьютеризация производственного аппарата [2].

Актуальность неоиндустриальной парадигмы для российской экономики отмечалась нами и ранее [3], мы акцентировали внимание на том, что специализация России на добыче ресурсов сопровождается эффектом убывающей отдачи. Чем больше эксплуатируются ресурсы, тем меньше их остается, а поддержание прежней нормы прибыли будет сопровождаться все большим ростом затрат. Закономерностью является то, что богатые страны специализируются на производствах с возрастающей отдачей, которая предполагает опережающее увеличение объема выпуска по сравнению с издержками, тогда как бедные – на производствах с убывающей отдачей.

Так Э. Райнерт [4], критикуя классическую теорию международной торговли А. Смита и Д. Рикардо, утверждает, что данный подход оправдывает зависимое положение развивающихся стран, заставляя их производить заведомо неконкурентоспособную на мировом рынке продукцию. Вместо того, чтобы прибегнуть к разумному протекционизму и поиску внутренних источников роста, по наставлению международных экономических организаций эти страны проводят фритредерскую внешнеторговую политику и обрекают на вымирание и без того неконкурентоспособное отечественное производство. Рекомендации, выдаваемые международными экспертами, совершенно не учитывают специфики тех стран, которым эти советы адресуются. Показателен приведенный Райнертом пример Монголии, которой титулованные эксперты советуют развивать производство программных продуктов, не учитывая такой «малозначительный» факт, как наличие электричества всего у 30 % населения [4].

В связи с вышесказанным, в контексте формирования нового качества экономического роста для России представляется более привлекательной модель неоиндустриальной модернизации. Неоиндустриальная парадигма отвергает определяющее значение сферы услуг и ее доминантное положение по отношению к индустрии. Как невозможно научиться читать, не выучив букв, так невозможно построить постиндустриальную экономику, не завершив процесс индустриализации. Кроме того, предоставление услуг предполагает и использование предметов материального мира, которые также должны быть произведены.

Можно утверждать, что постиндустриальная экономика, формирование которой в странах Запада протекало не одно десятилетие, сегодня превратилась в серьезную проблему. Игнорирование индустриального базиса в пользу развития сферы услуг предопределило отставание темпов промышленного производства и гипертрофированное разрастание сервисных отраслей. При этом спрос на результаты технологических инноваций формируется преимущественно в индустрии, многие предприятия которой были перенесены из Европы и США в страны Азии с дешевой рабочей силой. Вместе с тем, наблюдавшийся в последние годы рост уровня заработной платы на развивающихся рынках создал условия для очередного витка замещения труда капиталом и возвращения производственных мощностей на Запад,

но уже на качественно новом технологическом уровне, и России следует не просто учитывать данные тенденции, а извлекать из них выгоду.

Как убедительно показывают исторические примеры, в основе сегодняшнего процветания бывших метрополий лежит принцип максимизации доли добавленной стоимости в национальном секторе экономики и извлечение выгод от переработки сырья, вывезенного из колоний (или приобретенного у развивающихся стран). Исторический опыт Голландии, Венеции и Англии, свидетельствует о том, что поддерживать устойчивые темпы экономического роста в свое время им помогало развитие и диверсификация обрабатывающей промышленности, ограничение на экспорт сырья, защита целевых видов деятельности. Выполнение названных условий позволяло получать синергетический эффект, особенно заметный в городах, и помогавший названным странам оставаться лидерами мировой экономики долгое время. То есть именно развитие обрабатывающей промышленности (в форме индустрии) вкупе с разумным протекционизмом, выступило в роли институционального фактора экономического роста.

Применение подобной стратегии, по нашему мнению, и сегодня не потеряло своей актуальности. В частности, для того, чтобы Россия преодолела зависимость от траектории предшествующего развития, необходима смена господствующей парадигмы, а точнее отказ от фантома постиндустриальной экономики и перманентное целенаправленное проведение неоиндустриальной модернизации.

В этой связи новая индустриализация проявляется в принципиальной качественной трансформации труда и рынка рабочей силы. Интеллектуальный труд доминирует над физическим, а вклад в ВВП последнего неуклонно уменьшается. Качественно меняется и технология производственных процессов, вовлечение человека в которые будет стремиться к нулю. Неоиндустриализм предполагает массовое создание принципиально новых производственных процессов с минимальным вовлечением в них рабочей силы. Человек в этих условиях перестает быть придатком машины и выступает лишь в роли ее создателя или координатора, что, несомненно, вызовет новые интересные трансформации на рынке труда, в уровне потребления и дифференциации доходов [6]. Общее число автоматизированных рабочих мест в обрабатывающих секторах становится одним из инструментов количественной оценки неоиндустриализма.

Реализация неоиндустриальной парадигмы предполагает изменение пропорций между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда: разработкой продуктов, материалов, технологий, средств производства с новыми полезными свойствами, оптимизацией форм организации интеграционных связей в производстве, автоматизацией планирования и проектирования работы технологических цепочек, сбыта и снабжения, предприятий и корпораций в целом [2].

Таким образом, представляется целесообразным использовать индикаторы, отражающие восприимчивость экономики к неоиндустриальным преобразованиям. И наряду с традиционными показателями макроэкономической динамики мы предлагаем использовать некоторые социальные индикаторы, отражающие состояние человеческого капитала.

Социальные индикаторы в этих условиях можно рассматривать в качестве критерия оценки уровня благополучия в обществе или отдельной его части. Таким образом социальный индикатор не обладает принципиальными особенностями, помимо специфики описываемого им процесса или явления, и представляет собой один из целого ряда социально-экономических показателей. Действительно, любая характеристика социально-экономической ситуации может быть применена для диагностики состояния благополучия, и с этой позиции может оказаться и необходимой [7]. Социальный результат новой индустриализации воплощается в формировании основ общества, для которого на первом месте стоит воспроизводство человека и повышение качества его жизни. То есть, в качестве социальных индикаторов, отражающих готовность к неоиндустриальным преобразованиям потенциально мы

можем использовать показатели структуры занятости, среднегодовые темпы изменения численности занятых в экономике и номинальной заработной платы по видам экономической деятельности, производительность труда, среднедушевые денежные доходы.

С целью определения индикаторов социальной сферы, позволяющих провести оценку потенциала неоиндустриального развития, нами построена регрессионная модель, исходные предпосылки которой следующие. Переход к неоиндустриализму в большей степени характерен для высокоразвитых стран и регионов, поскольку неотъемлемое условие для нового этапа развития – рост капитальных вложений и общего уровня капиталовооруженности. Основываясь на этом, мы предлагаем использовать для оценки возможности неоиндустриального развития российских регионов именно общий уровень капиталовооруженности, рассчитанный в данной работе на основе официальных статистических данных о стоимости основных фондов и среднегодовой численности занятых в 2014 г. для каждого из российских регионов. В качестве одного из социальных индикаторов, с помощью которого мы предлагаем проводить оценку потенциала неоиндустриального развития, выступают среднедушевые денежные доходы. Для построения модели данные о доходах и капиталовооруженности были прологарифмированы. Итоговое уравнение регрессии принимает следующий вид ($p < 0.01$):

$$k = 1,51 \text{ inc} - 0,92 \quad (1),$$

где: k – натуральный логарифм капиталовооруженности, руб. на 1 занятого;
 inc – натуральный логарифм среднедушевых денежных доходов, руб.

Анализ остатков модели свидетельствует об их нормальном распределении. В некоторой степени можно утверждать, что остатки распределены достаточно симметричны рис. 2а. График нормальной вероятности остатков (рис. 2б) демонстрирует лишь несколько существенных отклонений фактических данных от теоретически нормальной прямой. Диаграмма рассеяния (рис. 2в) не обнаруживает зависимость остатков от прогнозируемых с помощью построенной модели значений капиталовооруженности.

Рисунок 1 – Среднедушевые денежные доходы и капиталовооруженность в российских регионах, 2014 г.

Уровень значимости критерия Колмогорова-Смирнова для остатков $p > 0.2$, что также свидетельствует о том, что гипотеза о нормальности распределения остатков не отвергается. Уровень значимости по критерию Шапиро-Уилка не позволяет утверждать о нормальности распределения. На основе согласования 3 критериев можно считать, что остатки распределены нормально и данная модель подтверждает возможность использования такого показателя как среднедушевые денежные доходы для определения потенциала неоиндустриального развития. Полагаем, что уточнение списка регионов с учетом их отраслей специализации позволит повысить качество модели.

a)

б)

в)

Рисунок 2 (а,б,в) – Анализ остатков модели

Таким образом, подтверждена возможность применения индикаторов состояния социальной сферы для оценки потенциала неоиндустриального развития. Как свидетельствует построенная модель, в качестве критерия оценивания может быть использован показатель «Среднедушевые денежные доходы населения». Очевидно, что таких показателей может быть несколько, но в данной работе мы сконцентрировали внимание именно на методике их определения. В последующих исследованиях необходимо увеличить число индикаторов и сформировать комплексную систему показателей социальной сферы, позволяющих эффективно проводить оперативную оценку возможности неоиндустриального развития страны, региона или территории.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-02-00394а.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М., 2012. – 224 с.
2. Губанов С. Новая индустриализация и сектор рециклинга // Экономист. – 2014. №12. – С. 3-11
3. Кормишкин Е.Д., Земскова Е.С. Модификация факторов экономического роста в контексте неоиндустриальной парадигмы // Экономика и предпринимательство. - 2015. - №6-3 (59-3). - С. 86-90.
4. Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. и ред. В. Автономова. М.: НИУВШЭ, 2011 – 384 с.
5. Развитие теории и методологии исследования и обеспечения экономического роста в России в контексте неоиндустриальной парадигмы: монография / Л.А. Кормишкина, Е. Д. Кормишкин, Д. А. Колосков. – Саранск, 2015. – 258 с.
6. Земскова Е.С. Энергопотребление в контексте неоиндустриальной парадигмы развития // Интернет-журнал Науковедение. - 2015. - Т. 7. - №4 (29). - С. 17.
7. Бородкин Ф.М. Социальные индикаторы - что это такое? // Мир России, 2004. - №4 - С.62-101.